

ТЮРЕМНЫЙ ЛЕКАРЬ

Мятежная королева

The Gilded Cage

The Blood Traitor

ЛИНЕТТ НОНИ

МЯТЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
Н81

Lynette Noni
THE PRISON HEALER

Copyright © 2021 by Lynette Noni

Перевод с английского *Ксении Тринкунас*

Иллюстрация на переплете *Jim Tierney*

Нони, Линетт.

Н81 Мятежная королева / Линетт Нони ; [перевод с английского К. Тринкунас]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-160718-0

Десять лет своей жизни семнадцатилетняя Кива Меридаан провела в Залиндове, самой известной и жуткой тюрьме континента, где каждый день – это борьба за выживание.

Когда в Залиндов привозят таинственную Мятежную королеву, Киве как тюремному лекарю дают задание: оберегать и лечить смертельно больную женщину, чтобы та дожидая Ордалий – четырех испытаний стихиями, к которым приговаривают только опаснейших из преступников. И вместе с тем Кива получает послание от семьи: «Не дай ей умереть».

Понимая, что пытки воздухом, огнем, водой и землей убьют больную мятежницу, Кива вызывается участвовать в Ордалиях вместо нее. Если девушка преуспеет, то и она, и королева вновь обретут свободу. Но все Ордалии еще не переживал никто...

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Тринкунас К.Ю., перевод
на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160718-0

Саре Дж. Маас —

спасибо за твою щедрую дружбу, помощь и поддержку.

Но главное, спасибо за то, что верила в меня,
даже (и особенно) когда я в себя не верила.

ПРОЛОГ

С сумраком пришла смерть.

Возле реки девочка вместе с младшим братом собирали ягоды осозники, а их отец, присев у кромки ледяной воды, пополнял запасы листьев алоэ. Судя по всему, успокаивающий гель им потом очень пригодится: шипы растений исцарапали девочке всю кожу. Но за мыслями о предстоящем ужине она едва замечала боль. Ее мама делала лучшее осозничное варенье на всем Вендероле, и девочка уже сейчас знала, что эта партия будет невероятно вкусной: когда небо венчает луна, серебристые ягоды на вкус слаще всего. Еще бы брат не уминал их за обе щеки, тогда бы они наконец отнесли ягоды матери и сполна насладились плодами своего труда.

Они едва заполнили половину корзинки, когда тихий ночной воздух рассек первый крик.

Девочка с братом замерли; он раскрыл рот, измазанный серебристым соком, она беспокойно нахмурилась. Девочка перевела взгляд изумрудных глаз на отца, стоявшего возле студенной реки с огромной охапкой алоэ в руках. Тот смотрел не на мшистые растения, а на маленький домик на вершине холма. Кровь отлила у него от лица.

— Папа, что...

— Тихо, Керрин, — шикнул мужчина на сына, бросив алоэ и подбежав к детям. — Наверное, это просто Торелл с Зуликой играют, но давайте лучше проверим...

Что бы он ни собирался сказать об их старших брате и сестре, его прервал еще один крик и жуткий грохот, который было слышно даже внизу у реки.

— Папа... — проговорила на этот раз девочка, подскочив, когда отец вырвал у нее корзинку и мертвой хваткой сжал руку. Ягоды разлетелись вокруг. Не успела девочка продолжить, как раздался пронзительный вопль ее матери:

— Беги, Фаран! Беги!

Отец так сильно сдавил ее ладонь в своей, что девочке стало больно, но последовать приказу жены ему уже не удалось. Из дома выбежали солдаты с обнаженными мечами, и даже в скудном лунном свете их доспехи отливали серебром.

Десяток, не меньше.

Много.

Слишком много.

Сквозь колючие кусты девочка дотянулась до дрожащей руки брата, липкой от сока осозники. Они в ловушке, бежать было некуда: позади — только ледяная река, слишком быстрая и глубокая, чтобы ее пересечь.

— Все хорошо, — надтреснутым голосом успокаивал их отец, пока приближались солдаты. — Все будет хорошо.

А потом их окружили.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Взглянув на мальчика, привязанного к металлической кушетке перед ней, Кива Меридан наклонилась и прошептала:

— Вдохни поглубже.

Он и моргнуть не успел, как она обхватила его запястье и вонзила кончик добела раскаленного лезвия в тыльную сторону его ладони. Мальчишка закричал и попытался ударить ее — все они пытались, — но Кива только крепче сжала его руку, продолжая вырезать на коже два полукруга, складывающихся в букву «З».

Одна-единственная буква — метка, что теперь он узник Залиндова.

Рана заживет, но шрам останется навсегда.

Кива старалась закончить как можно быстрее и ослабила хватку лишь после того, как полностью вырезала метку. Она едва удержалась, чтобы не сказать мальчику, что худшее позади. Даже подростки умеют отличать ложь от правды. С сегодняшнего дня он принадлежал Залиндову, и на металлическом браслете у него на запястье было выведено его новое имя — заключенный X67Л129. Будущее не готовило ему ничего хорошего, и врать об этом не имело смысла.

Кива намазала его кровоточащую ладонь соком баллико, чтобы туда не попала инфекция, и присыпала сверху пеплом корнеперца, чтобы приглушить боль, а потом обернула лоскутом ткани. Тихо велела три дня не мочить и держать в чистоте, хотя прекрасно знала: если мальчишку определяют в тоннели, или на фермы, или на каменоломню, это будет попросту невозможно.

— Сиди смирно, я почти закончила.

Кива сменила лезвие на ножницы. Они были покрыты ржавчиной, но их острые края вполне могли прорезать и сталь.

Мальчишка весь затрясся, побледнел, зрачки расширились от страха.

Кива не стала его успокаивать, тем более что в дверях лазарета стояла вооруженная женщина и пристально следила за каждым ее движением. Обычно Киве давали хоть немного уединиться, и она могла спокойно работать вдали от холодных бдительных взоров надзирателей. Но после мятежа на прошлой неделе стража была на взводе и не спускала ни с кого глаз — даже с арестантов вроде Кивы, которая преданно служила смотрителю Залиндова и доносила на других заключенных. Была информатором. Шпионом.

Никто не ненавидел Киву больше нее самой, и все же, какой бы ни была цена, она не позволяла себе жалеть о своем выборе.

Мальчишка захныкал, но Кива, не обращая на него внимания, принялась резкими короткими движениями обрезать ему волосы. Она вспомнила, как десятью годами ранее ее саму привезли в тюрьму; вспомнила унижительный процесс раздевания, отмывания, стрижки. Из лазарета Кива тогда вышла с покрасневшей кожей и без волос, из вещей — только колючая серая рубаша и такие же штаны. Несмотря на все, что ей пришлось пережить в Залиндове, первые часы позора остались для нее худшими. Шрам на руке отозвался на воспоминания резкой болью, и Кива перевела взгляд на свой браслет с идентификационным номером. На металле было выгравировано H18K442 — вечное напоминание, что она никто и ничто, что стоит ей сделать шаг в сторону или даже посмотреть не на того человека не в то время, и ей грозила смерть.

Залиндов не щадил никого, даже невиновных.

Особенно невиновных.

Когда Киву привезли сюда, ей едва исполнилось семь — и все же возраст не уберег ее от жестокости тюремной жизни. Она лучше иных знала, что дни ее сочтены. В Залиндове никто не выживает. Рано или поздно она примкнет к тысячам погибшим до нее.

Кива прекрасно осознала, что ей еще сравнительно повезло. Заключение, которых определяли на тяжелые работы, редко протягивали больше шести месяцев. От силы год. Киву же столь изнурительная работа обошла стороной. В первые недели ее отправили в приемный блок сортировать одежду и вещи новых заключенных. Потом из-за вспышки болезни, унесшей сотни жизней, освободилась другая позиция, и Киву отправили работать в мастерскую, чистить и подшивать форму надзирателей. Пальцы у нее кровоточили и покрылись мозолями из-за бесконечных стирок и шитья, но даже тогда в сравнении с другими ей было не на что жаловаться.

Кива с ужасом ждала, когда же ее велют перевести на каторгу, но приказ так и не поступил. Вместо этого она попала в лазарет: ее назначили туда после того, как она спасла одного из надзирателей, посоветовав ему припарку от заражения крови, которую бесчисленное множество раз делал ее отец. Спустя два года единственного напарника Кивы по лазарету казнили — он распространял среди сломленных заключенных ангельскую пыль. Тогда двенадцатилетнюю Киву и назначили на его должность. В числе новых обязанностей было и вырезание метки Залиндова на коже новоприбывших, и надо сказать, она по сей день ненавидела это делать. Однако Кива знала, что откажись она — и гнев надзирателей падет не только на нее, но и на новых заключенных. Она очень быстро это уяснила, а шрамы на спине постоянно ей об этом напоминали. Киву бы до смерти засекли розгами, будь в то время в тюрьме хоть один человек ей на замену. Сейчас же, однако, на ее место быстро бы нашли кого-нибудь еще.

Она всего лишь расходный материал, как и все остальные узники Залиндова.

Волосы мальчишки торчали беспорядочными клоچьями, когда Кива наконец отложила ножницы и потянулась за бритвой. Иногда хватало срезать самые спутанные пряди, а иногда волосы новоприбывших сбивались в кишачие вшами колтуны, и проще было сбрить все подчистую, чем потом спасать тюрьму от нашествия этих маленьких тварей.

— Не волнуйся, они потом отрастут, — мягко проговорила Кива, вспоминая собственные волосы, черные как ночь, которые точно так же сбрили в первый день и которые теперь спадали ей на спину.

Но несмотря на ее попытку успокоить мальчика, тот продолжал дрожать, и Киве приходилось быть предельно аккуратной, чтобы случайно не задеть его бритвой.

Ей хотелось рассказать, что его ждет за стенами лазарета, но даже если бы надзирательница в дверях не сверлила ее взглядом, Кива знала, что не ей этим заниматься. Всем новоприбывшим на первые дни назначали в наставники другого заключенного, чтобы тот рассказал им о Залиндове, предупредил обо всех опасностях и пояснил, как выжить в этом месте. Если, конечно, новый узник того хотел. Некоторые желали только умереть — они потеряли всякую надежду еще до того, как прошли через железные ворота и оказались среди бездушных известняковых стен.

Кива надеялась, что мальчик еще не сдался. Ему понадобятся силы, чтобы пережить то, что его ждет.

— Готово. — Кива опустила бритву и отступила на шаг, чтобы осмотреть мальчика. Лысым, с широко распахнутыми глазами, впалыми щеками и торчащими ушами он выглядел гораздо младше. — Ну что, не так страшно, как казалось?

Он посмотрел на Киву так, точно она вот-вот перережет ему горло. Она привыкла к этому взгляду, тем более от новеньких. Они пока не знали, что Кива одна из них, такая же рабыня прихотей Залиндова. Если мальчик не умрет сразу, он еще вернется в лазарет и поймет, что Кива на самом деле на его стороне и всеми силами будет стараться ему помочь. Так же, как она старалась помочь всем остальным.

— Закончили? — раздался со стороны двери голос надзирательницы.

Кива сжала в руках бритву, но тут же заставила себя расслабить пальцы. Не хватало еще, чтобы надзиратели учуяли в ней искру бунтарства.

Кива была безучастна и покорна. Только так она могла выжить.

Многие над ней за это глумились, особенно те, кто в ее помощи не нуждался. Одни звали ее залиндовской сукой. Другие шипели вслед: «Бессердечная резчица». Но худшим из ее прозвищ было, пожалуй, «принцесса смерти». Кива не могла их винить, и именно поэтому их слова ранили глубже всего. Ведь, по правде говоря, многие прибывшие в лазарет обратно уже не возвращались, и винить в этом можно было лишь Киву.

— Лекарь? — снова напомнила о себе надзирательница, на этот раз настойчивее. — Ты закончила?

Кива коротко кивнула, и вооруженная женщина, покинув пост у двери, вошла в комнату.

Надзирательницы в Залиндове встречались нечасто. На каждых двадцать мужчин приходилась, наверное, всего одна женщина, да и те редко задерживались в тюрьме надолго. Эта надзирательница появилась здесь совсем недавно, Кива впервые встретила ее всего несколько дней назад и сразу же обратила внимание на наблюдательные янтарные глаза, столь холодно и бесстрастно взирающие с молодого лица. Кожа у нее была на пару оттенков светлее чернейшего из черных — скорее всего, женщина родом откуда-нибудь из Джиирвы или Хадриса, что славилась умелыми воинами. Стрижена очень коротко, почти наголо, а с одного уха свисала нефритовая сережка в форме клыка. Не очень-то умно — вдруг кто-нибудь попробует ее оторвать? Впрочем, надзирательница держалась со спокойной уверенностью, а ее форма — кожаная куртка с длинными рукавами, штаны, перчатки и сапоги — едва ли скрывала крепкие мышцы. Вряд ли какой заключенный рискнет связаться с этой молодой женщиной, а если такой смельчак и найдется, то поездка в морг ему обеспечена.

Кива тяжело сглотнула и уступила дорогу надзирательнице, напоследок ободряюще сжав плечо мальчика. Тот дернулся так резко, что Кива мгновенно об этом пожалела.

— А я... — Кива заметила кучу одежды, которую носил мальчик до того, как переоделся в серую тюремную форму, — я отнесу его одежду в приемный блок на сортировку.